

*История экономической науки***Кейнсианство:
политико-экономические грани**

© О. Ю. Мамедов; Е.В. Ткачева, 2001

Статья посвящена двум знаменательным датам - 65-летию выхода основного труда Дж. М. Кейнса («Общая теория занятости, процента и денег») и 55-летию его кончины. Кейнсианская концепция оценивается в методологических координатах политической экономии. Автор привлекает внимание к нетрадиционным моментам кейнсианской теории.

Джон Мейнард Кейнс... Биографические вехи выскакивают, подобно узловым станциям в движении литерного поезда: «родился – был учеником того-то – написал то-то – скончался тогда-то». Для многих и этого более чем достаточно. Для многих, но не для экономистов.

Что же сделал для экономической науки человек по фамилии Кейнс? Почему на каждом перекрестке мировой экономической мысли развешены указатели: это – «ортодоксальное кейнсианство», это «посткейнсианство», а вот это «новое кейнсианство»?

О Джоне Мейнарде Кейнсе слышали даже те, кто не в состоянии отличить экономику от «производства». Сегодня Дж. М. Кейнс в полной мере разделяет удивительную

участь каждого великого человека – все его почитают, но мало кто читает.

Увы, с каждым великим экономистом происходит одно и то же: читают не его работы, а разъяснения его вклада в экономическую науку, чем промышляют сотни экономистов. В результате этих разъяснений возникает какой-то странный Кейнс – интерпретированный (который, кстати, имеет с реальным столько же общего, как, например, реальный Маркс с Марксом – интерпретированным).

Между тем объективную характеристику концепции Дж. М. Кейнса (как, впрочем, и концепции любого иного экономиста) может дать только политико-экономическая оценка. Это объясняется тем, что политическая экономия – единственная отрасль современного

экономического знания, которая обладает методологическим аппаратом научной компаративистики (или, более развернуто, – возможностью объективного сопоставления логических конструкций систем общественного производства и реальных форм общественной экономики).

Третья четверть XX в. стала «эпохой кейнсианства»: идея оптимизации общественного производства посредством его государственного регулирования оказалась плодотворнее марксовой только потому, что не отвергала основу эффективной экономики – частное предпринимательство.

В 2001 г. исполнилось 65 лет с даты выхода первого издания знаменитой книги Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» и 55 лет кончины ее автора. Современная экономика, в том числе и российская, слишком многим обязана Кейнсу и его книге, чтобы забыть об этом.

1. Политико-экономическая интерпретация главного сочинения Дж. Кейнса

Джон Мейнард Кейнс родился в 1883 г., в год смерти Карла Маркса. Это открывает возможности для разного рода мистических спекуляций о якобы «эстафетном» характере явления Кейнса.

Однако, по мнению специалистов в области истории экономической мысли, духовный генезис концепции Дж. М. Кейнса определяется тем, что он ученик А. Маршалла (главы «кембриджской школы»). Что же превращает Дж. Кейнса в последователя маршаллианства?

На этот раз историки не ошиблись –

Кейнс действительно разделяет маршалловское отрицание теории трудовой и прибавочной стоимости, он действительно согласен с Маршаллом в том, что заработная плата определяется производительностью труда, и так же, как Маршалл, выводит прибыль из редкости капитала.

Радостно констатировав это родство, историки экономической мысли устремляются к другим великим экономистам. Но мы в отличие от торопливых историков задержимся на этом пункте. И вот почему.

Со времен марксизма «основным вопросом» экономической теории является отношение к трудовой субстанции стоимости. Экономисты стали делиться на признающих и не признающих «трудовую стоимость». Поскольку Кейнс не признает трудовую стоимость, то исчезает и мистика «эстафетности» его учения: как кейнсианство не имеет ничего общего с марксизмом, так и год рождения Кейнса не становится ни в какую связь с годом смерти Маркса; проблемы, занимавшие Маркса, и проблемы, занимавшие Кейнса, вообще находятся в разных логических плоскостях модели экономической системы.

В названии главного труда Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) внимание экономистов позитивистского толка обычно привлекают два момента.

Во-первых, гордое определение «общая теория» (в пику «классической» теории, рассматривавшей, по мнению Кейнса, идеальный случай макроравновесия, но выдававшей его за универсальный).

Во-вторых, выстроенная автором обратная зависимость («занятость < процент < деньги») экономических категорий, весьма удаленных друг от друга (до Кейнса) в теоретическом пространстве экономической на-

уки.

Внимание политэкономистов устремлено к иному – к ускользающему от взглядов «позитивистов» политико-экономическому контексту названия основной работы Дж. М. Кейнса.

Действительно, нет никаких препятствий тому, чтобы рассматривать занятость как позитивистский эвфемизм политэкономической категории «труд», ибо только позитивисту может казаться, что работнику платят за хождение на работу, тогда как ему оплачивают необходимый труд (фундаментальная абстракция экономической науки, являющаяся непреодолимым интеллектуальным препятствием для «экономпозитивистов» вот уже второе столетие).

Точно так же отсутствуют препятствия и тому, чтобы рассматривать процент как позитивистский эвфемизм политэкономической категории «капитал», ибо только позитивисту может казаться, что деньги обладают даром самовозрастания исходной величины, тогда как капитал есть материализация прибавочного труда (другая фундаментальная абстракция экономической науки).

Наконец, деньги – это не выпускаемые государством кредитки, в чем убеждены позитивисты, а общественная форма выражения совокупного результата рыночного производства.

Из сказанного выше вытекает, что в политико-экономической интерпретации работа Кейнса должна бы называться «Общая теория труда, капитала и денег». И хотя подобный вывод способен повергнуть в уныние не только суеверных кейнсианцев, но и ортодоксальных марксистов, тем не менее это доказывает только одно – настоящий экономист (независимо от его метафизических деклара-

ций) всегда соприкасается с вечным, а в экономике таким вечным являются «труд», «капитал» и «деньги».

Даже начинающему экономисту известно, что в своем главном сочинении Дж. М. Кейнс обобщил экономические уроки Великой депрессии. В аспекте изложенной выше интерпретации становится ясно, что Кейнс искал объективную обусловленность кризиса не в связи занятость – процент (даже если он сам думал в таких категориях), а в отношениях между трудом и капиталом, но в их новой исторической ситуации.

2. Какой должна быть эффективная экономика?

Именно исходя из новых реалий этого основного отношения рыночно развитой («капиталистической») экономики, Кейнс и дал ответ на поставленный Великой депрессией глобальный вопрос XX в.: – какой же должна быть социально эффективная экономика?

Ответ Кейнса – такая экономика должна и может быть только цивилизованной (т. е. регулируемой!) рыночной экономикой.

Методологическая глубина кейнсианской характеристики по-своему уникальна: чтобы сохранить плюсы, но преодолеть минусы рыночной формы организации общественного производства, эта рыночность должна быть поставлена под общественный контроль. Другими словами, необходим переход от общества, управляемого рынком, к рынку, управляемому обществом!

Действительно, чем отличается цивилизованность от дикости? Только укрощением инстинктов! Сначала естественных, а затем и социальных.

Рыночная экономика – это «необузданная», «инстинктивная» экономика; «встроенные регуляторы» – таковы механизмы инстинктивной реакции рынка на происходящие в нем аномальные процессы; цивилизованный же рынок требует общественного обуздания инстинктивных (стихийных) регуляторов рыночных процессов.

Рассмотрим этот момент подробнее.

Рынок – это общественное производство двух социальных ценностей: товаров и денег. Производство каждой из названных ценностей может иметь два аномальных состояния – слишком мало (дефицит) или слишком много (перепроизводство).

Отсюда следует, что рынку могут быть присущи только четыре доминантных аномальных состояния (см. схему 1).

Каков же «инстинктивный» механизм «саморыночного» преодоления названных аномалий?

Рыночная экономика (как взаимосвязанное общественное производство товаров и денег) породила уникальный социальный феномен, обозначаемый понятием «цены», как взаимообуславливаемый одновременной зависимостью количества денег от количества товаров и количества товаров от количества денег.

Поскольку цена есть динамичное единство товаров и денег («товарно-денежный» феномен), то все свои аномальные состояния (перепроизводство или дефицит товаров, перепроизводство или дефицит денег) рынок лечит только одним, имманентным ему инстинктивным способом – противодействующим изменением цены.

Действительно, при перепроизводстве товаров достаточно не мешать инстинктивно происходящему снижению цены – и объем производства товаров войдет в общественно необходимые границы; при дефиците товаров достаточно не мешать «инстинктивно происходящему повышению цены, – и объем товарной массы примет общественно необходимые параметры; при перепроизводстве денег достаточно не мешать инстинктивно происходящему снижению реальной цены – и объем денежной массы войдет в общественно необходимые параметры; при дефиците денег достаточно не мешать инстинктивно происходящему повышению цены – и объем денежной массы примет общественно необходимые параметры.

Таким образом, все перечисленные формы рыночных аномалий лечатся двумя «инстинктами» (инстинктивными реакциями), имя которым – повышение цены и снижение цены. Эти ценовые реакции, если им дать во-

ДЕФИЦИТ ТОВАРОВ	ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО ТОВАРОВ
ДЕФИЦИТ ДЕНЕГ	ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО ДЕНЕГ

Схема 1. Доминантные аномалии рынка

лю, обязательно приведут количество товаров в соответствие с количеством денег; однако социальная плата за достижение этого соответствия может оказаться слишком высокой, ибо для общества это «рыночное лекарство» может закончиться социальным взрывом. Вот почему рынку необходима помощь со стороны общества, т. е. – социально целенаправленное регулирование рынка, а это и есть его цивилизованное состояние. Но об этом же провидчески – только гораздо раньше и гораздо лучше – писал Карл Маркс.

Таков уж экономический позитивизм: хорошо поскребите «экономпозитивиста», и вы увидите «недоношенного марксиста». Эта «недоношенность», вызывающая сочувствие политэкономов, самими позитивистами ужасно ценится и тщательно лелеется. И хотя нет такого тупика (экономического кризиса), о который бы ни расшибли лоб экономпозитивисты, они продолжают гордиться всеми своими «историческими» шишками. А ведь это скорее не шишки, а рога за измену политикоэкономической науке.

Искусство эффективной цивилизации рынка состоит не в игнорировании цены – адекватного механизма преодоления аномалий рынка, – а в ее умелом использовании. Другими словами, общество должно регулировать не прямо цену, а подступы к ней, т. е. ценообразующие факторы.

3. Между «саморегулированием» и «регулированием»

В экономической теории можно выделить две альтернативные позиции:

1. Механизм регулирования рыночной экономики заключен в ней самой (классичес-

кая концепция «саморегулирования рынка»).

2. Рыночная экономика нуждается в «привносимом» (внешнем, общественном) регуляторе (такова суть всех постклассических концепций).

Первая позиция получила название классической, так как это была исторически исходная для экономической науки точка зрения, образовавшая особое мировоззрение экономический либерализм.

Среди экономистов, стоящих на второй, альтернативной позиции, наиболее радикальные взгляды высказал К. Маркс, их суть сводится к следующему: существует объективная тенденция отмирания частных товарных отношений, что означает конец частной экономики, а с ней и механизма саморегулирования; возникающей общественной (социализированной, или, говоря языком Маркса, обобществленной) экономике объективно необходимо общественное регулирование.

Кейнс умудрился стать центристом, синтезировав обе позиции, его концепция сохраняла жизнь рыночной экономике, а следовательно, и механизму саморегулирования, но поскольку рыночный механизм периодически дает сбой, то компенсировать их призвано общественное регулирование. При этом необходимо учитывать три тонкости кейнсианства.

1. Саморегулирование остается оптимальным механизмом функционирования микроэкономики, общественное же регулирование – оптимальный механизм только для макроэкономики. И в этом Кейнс абсолютно прав, ибо экономика XIX в. (периода классической теории) – это, условно говоря, мир микроэкономики, а экономика XX в. – это мир макроэкономики. Поскольку сегодня приоритет перешел к макроэкономике, то и

общественное (экзогенное) регулирование рынка приобрело приоритет перед эндогенным регулированием (с помощью «встроенных регуляторов»).

2. Разная оценка исторического будущего капитализма (рынка): по Смиту он бессмертен; по Марксу – умирает; по Кейнсу – жить будет, но на «лекарстве» (благодаря общественному регулированию).

3. На первый взгляд тезис о необходимости целенаправленного «общественного регулирования» макроэкономики роднит Маркса и Кейнса, но на самом деле Маркс понимал под этим в прямом смысле общество в отсутствие рынка, а Кейнс имел в виду сохранение рынка; у Кейнса не общественное, а правительственное регулирование, тогда как у Маркса при уходе рынка сохранившееся государство превращается на практике в абсолютно монопольную регулирующую силу.

Из сказанного видно: Маркс использует общественное регулирование против рынка, Кейнс – во имя рынка. Следовательно, монетаристы по своей родословной – «дети» Кейнса, корректирующие его концепцию в координатах «классической» теории (поскольку регулирующая направленность денежно-кредитной политики более завуалирована, чем фискальной).

4. «Лучше, чтобы человек тиранил свои текущие счета, чем своих сограждан»

Хозяйственная политика – настолько мощный инструмент воздействия экономической теории на производственную практику, что большинство экономистов почитали за благо держаться от этого инструмента по-

далее, ограничиваясь теоретическим объяснением мира экономики.

Революционность Дж. М. Кейнса в том-то и заключалась, что необходимость государственного регулирования экономики включалась в качестве исходной посылки механизма ее оптимизации. А ведь все великие предшественники Дж. М. Кейнса (кроме Карла Маркса) были убеждены в самодостаточности рыночной экономики, в эффективности ее саморегулирования благодаря ничем не стесняемой системе свободной конкуренции.

Перейдя на позиции кейнсианства, экономическая наука уподобилась медицинской, основная заповедь которой «Врач, не навреди больному». А поскольку макроэкономика выступает своеобразным пациентом экономической теории, играющей, согласно Дж. М. Кейнсу, роль врача, то фундаментальная задача экономической политики состоит в достижении поставленных позитивных целей при минимизации возможных негативных эффектов.

Между тем по мере неспешного построения в России современной рыночной системы из рядов отечественных (да и зарубежных) экономистов все чаще слышатся испуганные выкрики о том, что мы не туда идем, что избрана «сусанинская» стратегия и т.д.

Почему же? Идем туда, куда надо, и строим то, что все уже построили. И хорошо бы, прежде чем самому пугаться и других пугать, почитать классика, например Дж. М. Кейнса, того, кто четко объяснил еще 75 (семьдесят пять!) лет назад: «Наиболее значительными пороками экономического общества, в котором мы живем, являются его неспособность обеспечить полную занятость, а также его произвольное и несправедливое распределе-

ние богатства и доходов»¹.

Эти слова показывают, что Дж. Кейнс прекрасно осознавал те внутренние недостатки рыночной системы, которые позже обобщая экономическая теория стыдливо завуалировала посредством эвфемизма «фиаско рынка». Знаменательно, что в этом пункте с Дж. Кейнсом солидарен и глава современного монетаризма М. Фридмен, теоретические позиции которого обычно аттестуют как альтернативные воззрениям великого англичанина. «Управления государственной экономической политики, – пишет М. Фридмен, – кроме их чисто экономических последствий, угрожают разрушить консенсус в сфере распределения доходов, который является моральной основой свободного общества»².

Общее оправдание необходимости осуществления специальной макроэкономической политики Дж. М. Кейнс ус-матривает в том, что «опасные человеческие склонности можно направить по сравнительно безобидному руслу там, где существуют перспективы «делать деньги» и накапливать личное богатство. Эти же склонности, если они не могут быть удовлетворены таким путем, могут найти выход в жестокости, безрассудном стремлении к личной власти и влиянию и других формах самовозвеличивания»³.

Другими словами, Кейнс видит в массовой экономической активности своего рода социально безопасную канализацию потенциально деструктивных акций индивида. Блестящее умозаключение. Не пора ли и нам

его усвоить?

Изложенный мировоззренческий взгляд Дж. М. Кейнс завершает формулировкой истине великолепного экономико-социологического парадокса: «Лучше, чтобы человек тиранил свои текущие счета, чем своих сограждан. И хотя часто говорят, что первое – это лишь средство ко второму, все-таки иногда это представляет хоть какую-то альтернативу»⁴.

Не обошел Дж. М. Кейнс и основную проблему макроэкономической политики – вопрос безопасности рекомендаций экономистов, социальная цена которых исключительно высока. По этому поводу он писал: «Только опыт покажет, насколько общая воля, воплощенная в политике государства, должна быть направлена на усиление и укрепление побуждения инвестировать и насколько безопасно стимулировать среднюю склонность к потреблению... И тогда остается особый вопрос: в каких размерах и какими средствами правомерно и разумно призывать нынешнее поколение к ограничению своего потребления ради того, чтобы обеспечить с течением времени достаточные инвестиции для будущих поколений?»⁵ «(И вновь – скажем в скобках – подобное опасение находит союзника в лице М. Фридмена: «Цена регуляторов слишком высока по сравнению с выгодами, имеющими по большей части лишь видимость решения реальных проблем»⁶.)

В приведенной цитате представлен принципиальный механизм макроэкономической

¹ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Кейнс Дж. М. Избр. Произв. М., Экономика. 1993. С. 510.

² Фридмен М. Количественная теория денег. М.: 1996. С. 105 (курсив наш – авт.).

³ Кейнс Дж. М. Указ. соч. С. 511.

политики, составляющими которого являются:

1) усиление и укрепление побуждения инвестировать как основная задача государственного регулирования макроэкономики;

2) необходимость контроля над уровнем безопасности стимулирования средней склонности к потреблению, поскольку потребление, выступая альтернативой инвестирования, способно лишить капитал его ценности;

3) центральный вопрос экономической политики – социальная цена экономического роста.

Эти пункты действительно образуют своего рода вневременные опорные конструкции макроэкономической политики государства и навсегда включены в систему ценностных установок идеологов государственного регулирования экономики.

Дж. М. Кейнсу принадлежит и своеобразный «манифест» макроэкономической политики, – хотя все «и указывает на жизненную необходимость создания централизованного контроля в вопросах, которые ныне в основном предоставлены частной инициативе, многие обширные сферы деятельности остаются незатронутыми... Я представляю себе поэтому, что достаточно широкая социализация инвестиций окажется единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости... Но, помимо этого, нет очевидных оснований для системы государственного социализма, которая охватила бы большую часть экономической жизни обще-

ства. Не собственность на орудия производства существенна для государства. Если бы государство могло определять общий объем ресурсов, предназначенных для увеличения орудий производства и основных ставок вознаграждения владельцев этих ресурсов, этим было бы достигнуто все, что необходимо»⁷.

Как видно, Кейнс вновь и вновь возвращается к проблеме соотношения частного и общественного, централизации и децентрализации, рыночного и нерыночного. Желание спасти рыночную систему и в то же время понимание ее недостатков заставляют его стать настоящим диалектиком: «Результатом заполнения пробелов классической теории должно быть... выяснение условий, которых требует свободная игра экономических сил для того, чтобы она могла привести к реализации всех потенциальных возможностей производства. Учреждение централизованного контроля, необходимого для обеспечения полной занятости, потребует, конечно, значительного расширения традиционных функций правительства... Но все же остаются широкие возможности для проявления частной инициативы и ответственности. В пределах этих возможностей традиционные преимущества индивидуализма сохранятся и далее»⁸.

В заключение Дж. М. Кейнс исполняет своеобразный гимн рынку как сфере реализации индивидуальной созидательности. Он указывает, что рынок – это «преимущества

⁴ Там же (курсив наш – авт.).

⁵ Там же. С. 513.

⁶ Фридмен М. Указ. Соч. С. 105.

эффективности, обусловленные децентрализацией и влиянием личной заинтересованности. Преимущества эффективности, вытекающие из децентрализации принятия решений и индивидуальной ответственности, возможно, даже более значительны, чем полагали в XIX в., и реакция против призыва к личной заинтересованности, пожалуй, зашла слишком далеко»⁹.

Другими словами, заключительная глава знаменитой книги обнаруживает, что предлагаемое ее автором социальное регулирование экономики – результат теоретического осознания многих слабостей рынка, вынуждающего становиться сторонником ее централизованного регулирования.

Таким образом, государственное регулирование макроэкономики осуществляется не против, а во имя рынка: «Хотя расширение функций правительства в связи с задачей координации склонности к потреблению и побуждения инвестировать показалось бы публицисту XIX в. или современному американскому финансисту ужасающим покушением на основы индивидуализма, я, наоборот, защищаю его как единственное практически возможное средство избежать полного разрушения существующих экономических форм и как условие для успешного функционирования личной инициативы»¹⁰.

⁷ Кейнс Дж. М. Указ. Соч. С.514.

⁸ Там же. С. 515.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.